

**Дорогая Ольга Михайловна!
С юбилеем Вас!**

О.М. Гончарова проводит мастер-класс в АлтГПУ (2005 г.). Из архива О.М. и С. А. Гончаровых

Гончарова, О.М. Власть традиции и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века : монография / О. М. Гончарова. — Москва : Издательство Юрайт, 2021. — 310 с. — (Актуальные монографии).

О КНИГЕ О.М. ГОНЧАРОВОЙ РАЗМЫШЛЯЕТ Л.О. ЗАЙОНЦ¹

Название книги О.М. Гончаровой рассчитано на специалистов: для профессионального историка литературы подобного рода «вечные» темы продолжают звучать заманчиво, обещая, как минимум, подтверждение или опровержение собственных гипотез...

Смысловой осью книги О.М. Гончарова делает идею пути – ментального освоения «национального» пространства (географического/культурного/духовного). В этом смысле выбор материала более чем оправдан: первая глава, «Литературное открытие русского пространства: Россия в записках путешественников XVIII века», посвящена жанру «путешествий», наиболее, как считает автор, «показательному литературному явлению времени». В фокусе авторского интереса – специфика осмысления русского пространства писателями-путешественниками. Из достаточно обширного списка выбирается несколько имен: М. Невзоров, Ф.В. Растопчин, М.Н. Муравьев, П. Сумароков и в наибольшей степени М.Н. Карамзин, тексты которых, главным образом, и анализируются. Твердо обозначена и референтная для автора научная традиция: Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, В.Н. Топоров, М.Б. Плуханова. Речь идет, однако, не столько о географической России, сколько о формировании в рамках путевого жанра «нового национального сюжета», обращенного к собственному культурному прошлому. В роли *другого* или *чужого* здесь выступает национальное прошлое, культурный разрыв с которым снимается

¹ Людмила Олеговна Зайонц, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Отдела русской культуры ИМК МГУ.

в тексте «путешествий». Идеальной питательной средой, по мысли Гончаровой, для подобного диалога становится жанровая специфика – *сентиментальность* – «путешествий». Прошлое реанимируется («чувствительностью»), воображением, памятью путешественника, т.е. свойственной жанру напряженной рефлексией по поводу увиденного. Этот акт переводит описываемый объект в новую ценностную категорию, в достояние внутреннего мира, «пейзаж души», как позже назовет это Жуковский. Таким образом, дихотомия *свое – чужое (старое – новое)* интересует О. М. Гончарову, прежде всего, как возможность ее преодоления в ментальном пространстве, в поле «национальной авторефлексии» (с. 51).

Содержание второй главы, «*Возвращение к себе* как национально-религиозное возрождение в русской масонской мистике XVIII века», продолжает заявленный сюжет, поначалу оставаясь в рамках известных масонских текстов и их научных интерпретаций (Тукалевский, Лонгинов, Флоровский, Г. В. Вернадский). Идея духовного восхождения, в мистической литературе традиционно ассоциировавшаяся с возвращением = дорогой к внутреннему Храму, понималась русскими розенкрейцерами, считает О. М. Гончарова, как обращение к собственным религиозным и национальным истокам. В этом, по ее мнению, состоит одно из основных культурно-философских завоеваний русского масонства XVIII в. В присущем масонскому мировоззрению идеологическом синкретизме, преломившем «свое и чужое, прошлое и настоящее, личность и государство, духовное и мирское», О. М. Гончарова, вслед за Тукалевским, усматривает концепт новой «русской идеи», противостоящей современной церкви и официальной культуре XVIII в. Масонские поиски «внутренней Церкви» и путей «самопознания» манифестировались, считает О. М. Гончарова, как национальное самообретение и в этом смысле носили «компенсирующий характер для русского самосознания, ищущего национальной и религиозно-духовной <...> идентичности».

Сказанное могло вызвать сомнения и вопросы, если бы не материал, который выбирает О. М. Гончарова в качестве примера художественного воплощения этих идей. Это поэма М. М. Хераскова «Владимир Возрожденный». Вообще надо заметить, что, как только перед глазами исследовательницы оказывается художественный текст, чтение книги становится по-настоящему увлекательным. М. М. Херасков – фигура у филологов непопулярная. В действительности же – писатель непрочитанный (нерасшифрованный) и потому недооцененный. Глава о Хераскове одна из лучших в книге. О. М. Гончарова рассматривает поэму в контексте эпической трилогии о Петре («Плоды наук»), Иване Грозном («Россияда») и Владимире Святом («Владимир Возрожденный»), определяя их как «особый эстетический феномен, лишь внешне связанный с национально-историческим повествованием». На самом деле перед нами модель русской истории и культуры, которая отражает основную идею масонской религиозно-мистической историософии – идею рекурсивности и подобия, «возвращения к “началу”, истокам, собственному Я, к тем первоосновам национально-исторического и религиозного бытия, которые заложены “святым просвещением” Владимира». «Все три поэмы с их аналогичной структурой составляют своеобразный цикл и читаются в обратном порядке, эксплицируя идею возвращения и повтора: Петр повторяет Иоанна и Владимира, Иоанн – Владимира, Владимир – Христа». Не менее

важным, по мнению О. М. Гончаровой, является и то, что в обратном порядке пишет их и сам Херасков, проходя тот же путь в своих национально-религиозных рефлексиях. «Таким образом, – заключает исследовательница, – историософская концепция Хераскова акцентирует внимание на повторяющейся ситуации кризиса-порога, который разрешается каждый новый раз новым “первотворением”, “новым царством”. Каждая “новая держава”, хотя и созданная в ситуации катастрофы, описывается как усвоение прежних, внутренне присущих идеалов и ценностей». В этом и состоит, по Гончаровой, национальная специфика русского масонства, для которого «возвращение в историю становится формой обретения себя, способом <...> национального соединения и познания сокровенной Истины». Все прочее – от анализа символики до определения поэтического алгоритма текстов Хераскова – сделано с безупречной точностью и внутренним видением материала. К этому необходимо добавить, что под таким углом творчество Хераскова до сегодняшнего дня, как ни удивительно, не рассматривалось, хотя религиозно-мистический характер его сочинений был очевиден.

Убежденность, с которой О. М. Гончарова разворачивает свою концепцию, может порой показаться навязчивой: многое, само собой выходящее на поверхность, – очевидно и, в общем, не требует столь тщательной проработки. Подобная чрезмерность (=избыточность) может быть связана с «осознанной необходимостью» обращения к материалу, который ни при каких условиях не может быть в данном контексте проигнорирован, как, например, творчество Радищева и Карамзина. Так это или нет, но порой присущее автору чувство ответственности (хочется сказать, долга) приводит к «интеллектуальной» перегруженности текста (глава-монография о Радищеве: «Опыт европейской философии и традиции русской духовности в творческих исканиях А. Н. Радищева»), и, главным образом, ее первый раздел «Философское мышление А. Н. Радищева и его эстетическая реализация в художественном пространстве – времени»... Во втором разделе главы («Национальные духовные традиции и концепция человека в творчестве А. Н. Радищева») О. М. Гончарова «возвращается к себе» и повествование обретает прежнюю органику: Радищев становится живым, человек *естественным* и, значит, *истинным*, «Путешествие» – «путем к внутреннему самопознанию русской личности», что, в представлении О. М. Гончаровой, неразрывно связано, так как сама идея естественного человека, главная идея Просвещения, по ее мнению, «превращается у Радищева в концепцию национального человека, чья связь с *естеством* определена его принадлежностью к естественным традициям многовекового русского духовного опыта». Многомерность антропософии и самой личности Радищева вырастает из точно высеченных автором и глубоко воспринятых Радищевым «Жития протопопа Аввакума» и религиозной антропологии Г. Сковороды.

Заключительная глава, также близкая по форме к монографии, посвящена творчеству Карамзина («Образ *целого* национальной культуры в творчестве Н. М. Карамзина»). В этой обширной главе все сделано честно и добротнo, много Лотмана и Успенского, еще больше, соответственно, Карамзина, и вся она посвящена, собственно, комментарию к его фразе о том, что Россия должна быть «целой» и тогда «ход вещей делается правильным постоянным; новое и старое сольются в одно». С этих слов глава и начинается. Приблизительно ими же заканчивается книга. По-

настоящему ценным представляется в этой главе первый раздел – «Текстуальное *целое* в творчестве Н. М. Карамзина 1790-х гг. как единство формосмысла», где, надо сказать, также ощутимо присутствует личность исследовательницы. В ней предложено и осуществлено то, что сама О. М. Гончарова называет «исследовательской стратегией», применение которой в данном случае представляется убедительным и эффективным. Перед нами комплексный подход к анализу журнального десятилетия Карамзина, которое автор предлагает рассматривать не только в перспективе интересующей ее проблематики, но и как единую программу авторских замыслов от «Московского журнала», «Аглаи», «Аонид», через «Пантеон иностранной словесности» и «Вестник Европы» до «Истории государства Российского» (раздел «Исторический облик *целого* культуры в “Истории государства Российского” Н. М. Карамзина»). Такой ракурс открывает новую перспективу в осмыслении материала. И по-новому разворачивает к нам Карамзина.

В заключение несколько слов о третьей главе книги («Национальные традиции в инновационных текстовых моделях русской литературы XVIII века (комедия И. А. Крылова “Подщипа”»). Ничего общего с громоздким и неэлегантным названием содержание главы не имеет: она, на наш субъективный взгляд, – главная изюминка и самая большая удача книги. О. М. Гончарова дает совершенно оригинальную и захватывающую трактовку комедии Крылова, переворачивая традиционные представления о ее знаковой и эстетической природе, истинных причинах цензурного запрета и пр. и безупречно вписывая в общую концепцию исследования. Поставленная между Херасковым и Радищевым, глава о «Подщипе» производит эффект освежающего душа, покоряя филигранностью филологического анализа, зоркостью и научным остроумием. Нет сомнения, что этот материал будет широко востребован профессиональной аудиторией.

Таким образом, новая российская словесность предстает в книге О. М. Гончаровой сферой «реализации национальной памяти о *себе*», о своих корнях, создавая «емкий дискурс» о России как едином «родовом доме», объединяющем культурные полюса и восстанавливающим распавшееся в начале XVIII столетия «национальное Я».

Выход книги совпал с юбилеем Ольги Михайловны.

От редакции

Дорогая Ольга Михайловна! Ваша увлеченность русской культурой XVIII века не может не восхищать.

Мы помним Ваш мастер-класс на Алтае. Ваше выступление вызвало такой шквал искренних аплодисментов, каких давно не видел наш вуз. Вы очаровали наших студентов, для которых приезд ученого такого уровня – редкость, и они умеют ценить это. Вы умеете так преподнести материал, так увлечь аудиторию, так ее очаровать, что хочется вслед за Вами погрузиться в дальнейший поиск. Ваша научная логика, Ваш интеллект, Ваша тонкость в интерпретации такого сложного материала, как XVIII век, поразительны.

Здоровья Вам и сил! Любви и счастья!